

Дорога к Храму

Мирный православный

№ 2 (90)

2 февраля
2012 г.

Издается по благословению Митрополита Архангельского и Холмогорского Даниила

ИЗДАНИЕ ХРАМА СВ. АРХАНГЕЛА МИХАИЛА г.МИРНЫЙ

Пора прекращать жить «по совести»

Если в поисковой строке Яндекса или Гугла набрать фразу «Россия занимает место в мире», то можно узнать, что наша страна выбилась в мировые лидеры по:

- абсолютной величине убыли населения;
- числу разводов и детей, рожденных вне брака;
- числу детей, брошенных родителями;
- количеству самоубийств среди детей и подростков;
- количеству абортот и материнской смертности;
- объему потребления героина (21% от мирового производства);
- объему продаж крепкого алкоголя;
- потреблению спирта и спиртосодержащей продукции;
- темпам роста табакокурения;
- числу курящих детей;
- темпам прироста ВИЧ-инфицированных.

А еще Россия на втором месте в мире по числу самоубийств (после Литвы) и по числу убийств на душу населения (после Колумбии).

Это то, во что, к сожалению, превратилась наша страна за 20 лет после развала Советского Союза. Но задуматься по-настоящему вынуждает другая статистика.

В 1988 году Русская Православная Церковь торжественно отметила 1000-летие Крещения Руси. В этот юбилейный год в ней насчитывалось: 21 монастырь, 6893 прихода, 2 духовные академии и 3 духовные семинарии.

Через 20 лет, в конце 2008 года, согласно статистике, приведенной митрополитом Ювением, в нашей Церкви было уже 478 монастырей, 29 263 прихода, духовенства – 30 670 человек, 11 051 воскресная школа. Действуют 5 духовных академий, 3 православ-

ных университета, 2 богословских института, 38 духовных семинарий, 39 духовных училищ. Во время патриаршества Алексия II в нашей стране восстанавливалось приблизительно около 3 храмов в день. На данный момент православными верующими называют себя более 70% населения России...

Все это прекрасно, но что-то две статистики, соединенные вместе, совсем не радуют.

Как так получается, что кругом все больше верующих и при этом все больше абортот, разводов, пьяных, сирот? Все страшнее кому-то довериться, все больше шансов, что обманут, все меньше – что твою мольбу о помощи кто-то услышит. При этом не прекращаются разговоры о возрождении веры.

Складывается такое впечатление, что наш народ ставит какой-то гигантский эксперимент,

пытаясь себе и всему миру доказать, что можно верить в Бога и ничего не менять в своей нравственной жизни. К сожалению, такой эксперимент проводили до нас и другие народы, и всегда он заканчивался одинаково – разрушением государственности. Так было в I веке с Иудеей, так было с Римской империей, так было со знаменитой Византией, которая считала себя последним оплотом православия и которой нет уже больше пяти веков.

Мы научились:

- ставить свечи и делать абортот;
- освящать вербы и разваливать свои семьи;
- строить церкви и жить в блуде;
- прикладываться к иконам и оставаться глухими к чужой беде;
- ходить в храмы и тиранить своих домашних.

Долго ли так будет продолжаться? История показывает, что нет. Есть ли выход? Конечно! Пора прекращать жить «по совести», надо начинать жить по Евангелию, потому как оказалось, что на совесть нашу положиться совершенно невозможно.

Пора прекращать верить «в душе» и «по-своему», потому что кормить своих детей в душе, получать зарплату в душе и быть тепло одетыми в душе почему-то никто не хочет.

Пора, наконец, вспомнить слова Христа о том, что «не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7, 21).

Мы слишком рано обрадовались «возрождению веры» и слишком быстро забыли, что иная вера хуже безверия и что Христа распяли отнюдь не атеисты.

Смысл веры – во внутреннем преображении человека, а если такой цели не ставится, то вера быстро становится ханжеством и лицемерием, либо просто ритуалом, призванным убедить человека, что он «духовный» и «верующий».

Мы должны осознать, что добрых людей в мире подавляющее большинство, но все они слишком заняты собой. Помогают не добрые, а неравнодушные. И именно такими – неравнодушными – нам надо стать.

Если ничего не изменится в нашей вере и в нашей жизни, то слишком много горьких библейских пророчеств об израильском народе нам придется изведать на собственном опыте, от чего да избавит нас Господь Бог.

Иерей Роман Матюков
// Газета Логос

Скорбный путь жен новомучеников и исповедников Российских

5 февраля 2012 года – Собор Новомучеников и Исповедников Российских

Жены новомучеников и исповедников Российских прошли горький и скорбный путь. Высокий подвиг несли они посреди безбожного мира, воспитывая детей, терпя лишения, притеснения властей, голод и нищету. Совершая свой крестный путь, подчас унывая и скорбя, они не малодушествовали, но находили в себе силы молиться и славословить Бога. Как выжили они? Как оставались верными Христу? Об этом наша статья

заке, с маленькой дочкой на руках возвращалась в Посад. «Уныние не было ей свойственно, – пишет ее дочь Елизавета в своих воспоминаниях. – После моего рождения мама писала отцу в тюрьму: «Дай тебе Бог терпения. А я сквозь тоску о тебе чувствую себя счастливой безмерно, счастливой тобой и знаю, что впереди – радость свидания, и верю, что она не отнимется от нас, и молюсь, только бы нам самим ее не отравить...» Отец Михаил был расстрелян в 1937 году на полигоне Бутово под Москвой. Матушка Наталья Дмитриевна искала его по разным тюрьмам. Так и не узнав о судьбе мужа, она перед смертью написала ему трогательное прощальное письмо: «Дорогой мой, бесценный друг! Вот уже и миновала последняя моя весна. А ты? Все еще загадочно, таинственна твоя судьба. Все еще маячит

надежда, что ты вернешься. Но мы уже не увидимся, а как хотелось тебя дожидаться. Но не надо об этом жалеть. Встретившись, расставаться было бы еще труднее, а мне пора... Имя твое для детей священо. Молитва о тебе – самое задушевное, что их объединяет. Иногда я рассказываю им что-нибудь, чтобы не стерлись у них черты твоего духовного облика».

Матушка Александра Сергеевна Голышева хранила последнее письмо отца Николая за иконами как святыню. В этой прощальной записке батюшки, написанной им из тюрьмы незадолго до расстрела, открывается его удивительное смирение и безграничная любовь к семье. «Обо мне не беспокойтесь...» – пишет отец Николай. Понимая, что его ожидает («едва ли уцелею»), он говорит: «Забота о вас. У вас нет ничего...» Последние слова запис-

ки – почти молитва: «Храни вас Господь, мои дорогие, крепитеесь и молитесь за меня, не поминайте меня лихом... Простите меня Христа ради... Целую вас и молю Бога, чтобы Он сохранил вас. Не забывайте Бога, Божию Матерь и святителя Николая, под покровительство святителя Николая я вас отдаю. До гроба любящий вас папочка».

О любви как о великом Божиим даре писал святитель Игнатий (Брянчанинов): «И делается человеку человек своим на время по плоти, на веки по духу». Эта любовь являет чудеса, она и по смерти дарует общение любящим душам.

Священномученик Василий Надеждин в последнем письме из Соловецкого лагеря дает своей супруге, можно сказать, духовное завещание: «Благословляю тебя за твою любовь, за твою дружбу, за твою преданность мне... Да бу-

дет воля Божия! Мыждемся радостного свидания в светлом Царстве любви и радости, где уже никто не сможет различить нас, – и ты расскажешь мне о том, как прожила ты жизнь без меня, как ты сумела по-христиански воспитать наших детей, как ты сумела внушить им ужас и отвращение к мрачному безбожному мировоззрению и запечатлеть в их сердцах светлый образ Христа...»

Матушка священника Сергея Сидорова, проходившего последние годы своего служения во Владимирской области, не писала запросы в НКВД о судьбе мужа: он, по свидетельству дочери Веры, сам сообщил супруге во сне о своей гибели. Такое общение возможно при условии, если люди живут одной духовной жизнью и вся она – в Боге.

Продолжение на стр. 3

Священномученик Дмитрий Кедровский с супругой

В семье известного московского священника и талантливого проповедника отца Михаила Шика после его первого ареста осталось трое детей. Оказавшись почти без средств к существованию, его матушка ездила с полугодичной дочкой из Сергиева Посада в Москву на работу. Она оставляла девочку у родственников и бежала в Исторический музей, где водила экскурсии. А затем с продуктами и пеленками в рук-

Прощеное воскресенье – 26 февраля

Критику того, что происходит в храме вечером в Прощеное воскресенье, приходилось слышать неоднократно от разных людей. Чин прощения, все облачения уже постовые, темные, священники с амвона земно кланяются народу, народ плачет, подходит ко кресту: «Прости меня! – Бог простит, и я прощаю!» Критики фыркают: да половины этих людей в иные дни нет в храме, просят прощения люди, вовсе порой между собой не знакомые, лучше бы без рекламы, тайно просили прощения у тех, кому действительно причинили обиду, выдавливают из себя слезы, а завтра снова начнут собачиться, зачем этот обряд, напоминающий карнавал... Вроде бы правда все это, но... ПРАВДА ли это? Или правдоподобие, которым так любит оперировать нечистый дух, чтобы заморочить человеку голову и сердце?

Нет, Прощеное воскресенье — вовсе не карнавал. Чин прощения Церковь напоминает, из года в год, христианам про очень важные вещи... Не просто про то, что вот, мол, положено прощать — напоминает про сам механизм действия в человеке этих важнейших процессов, прощения и осуждения. Да-да, именно осуждения, которое прощению противостоит. Видя в другом грех и осуждая его, даже при этом имея в виду, что осуждаем-то вроде бы именно грех, а не самого его носителя, мы забываем: если бы этого греха не было в НАС самих — мы бы его не видели. То, что осудили в другом — есть в нас. Заноза в глазу ближнего и бревно в собственном глазу — древесина одного и того же дерева. Про это говорят не только святые отцы и психологи, но давно и по-простому говорит народ: «рыбак рыбака видит издалека».

Осуждение — своего рода негативный, болезненный, но повод познать самих себя. Прося прощения друг у друга, мы имеем возможность сказать этим Богу: «Вот, Господи, у меня и у него — множество грехов, множество навязано внутри нас болячих узлов... Мы, прося взаимно прощения, хотели бы, чтоб их не было, и не суть важно, какие они и откуда взялись, лишь бы наконец исчезли без следа... Прости же и Ты нас, прости меня, мой грех, который я увидел в ближнем своем, с этим ближним я связан незримым и прочным родством Твоего закона любви!...»

Грешник видит в ближнем грех, святой в нем же видит — святину... Именно как святину принимали люди преподобные подвижники от древности до наших дней, вспомним все писаные и устные рассказы о них... Святину порой поруганную — но не переставшую быть святыней. Грех в человеке они видели — но в себе этот грех с Божьей помощью победили, потому обличали грехи бескомпромиссно, но не осуждали, а молитвенно оплакивали и жалели болящее чадо Божие — и этой любовью помогали грешнику исцелиться. Так что скепсис тех, кто взирает на обычаи Церкви со стороны, внешне, понять я в принципе могу — принять не могу. Цинично усмехаясь по поводу слов «Бог простит — и я прощаю», они совершенно не понимают, о чем речь. Чтобы понять — надо захотеть подойти ко Христу поближе, надо в молчании и внимании самому войти в Его Церковь и прикоснуться к ее таинствам, а со стороны — не поймешь ничего. Не только в Церкви — в себе самом...

Священник Сергей Круглов

НАШ ПРИХОД

В девять вечера пришла смс-ка от духовника: «Помолитесь о упокоении новопреставленного Михаила. Двадцать лет, заживо сгорел. И о его родителях, Вере и Николае* — сгорел у них на глазах».

В девять пятнадцать пришло еще три смс-ки: от моей храмовой подруги и от двух других прихожанок. Не знаю ли я, кто такие Вера и Николай, это наши прихожане или просто батюшкины чада? В девять тридцать пять я вдруг поняла, что среди всех наших Николаев действительно есть один, у кого жену зовут, кажется, Вера. А детей у них много, пять человек. Пятый родился совсем недавно.

Теперь, значит, четыре. Ох, Господи, помилуй, как же они сейчас... Или это все же не они?

Они, отвечает духовник. «Горел дом, Михаил был на втором этаже. На окнах решетки, перед дверью стена огня. Занялось мгновенно. Отец был внизу, смотрел. Помочь было нельзя. Отец от бессилия стал ругаться. Михаил крикнул: «Пап, не ругайся. Скажи лучше, как сейчас молиться?» «Молись: Господи, прими мою душу».

Через четыре дня был наш Престольный праздник, Покров, и хотя мы к тому времени жили уже в другом месте, в этот день поехали в «свой» храм. Немного опоздали. Литургия уже началась. Наш маленький храмик был, как всегда, битком набит, и часть людей, как обычно, молилась на храмовом дворе.

Среди них были и Николай с Верой и детьми. На Вере был черный платок, нога у Николая записована. Лица осунувшиеся, немало усталые. Оба улыбались и кивками здоровались со знакомыми.

Знакомых, вообще-то, было у них не очень много: это была наша, приходская семья, но, как это обычно бывает, тесно общались они только с некоторыми людьми и семьями.

Но в тот день с ними здоровались почти все из «постоянных». Даже те, кто вчера еще не знал, как их зовут. Но сегодня, расстроенные, люди подходили друг к другу и тихонько спрашивали: «Вера и Николай — это кто?» И им показывали глазами.

Эти вопросы не отвлекали от службы. Наоборот, «чужое» горе словно мобилизовало духовные силы, сплотило людей. Просто физически чувствовалось, что двор молился «сборно». На лицах было

выражение сосредоточенной строгости, а в глазах многих — такая боль, что комок вставал в горле.

На панихиду оказалось примерно в два раза больше народу, чем бывает у нас обычно.

К тому моменту нашей приходской общины было уже девять лет. Она пережила много и радостного, и грустного, и трудного, и трагического. Но эта смерть юноши, которого многие даже в лицо не помнили, воспринялась как-то особенно остро и глубоко. Боль родителей, хоть почти и не видная постороннему взгляду, вызвала такую волну сочувствия и любви, что она ощущалась просто физически.

«Сегодня я первый раз почувствовала, что такое приход», — не сговариваясь написали в тот день несколько наших прихожанок в своем ЖЖ. Что характерно — ни одна из них не входила в «близкий круг» осиротевшей семьи.

Недавно один наш знакомый, живущий даже не в российской глубинке, а в Подмоскovie, с легкой досадой заметил, что «по нашему селу криво не пройдем» — сразу все знают будут, что выпил». Примерно так и в приходской общине. Особенно если ты еще и живешь там же, где твой храм. Тогда — проверено — каждый поход в магазин или поликлинику означает встречу как минимум с одним прихожанином или прихожанкой.

Быть на виду — бесспорно, тяжело. Точнее, когда твоя жизнь идет в обычном режиме, то, пожалуй, этого «на виду» особо и не замечаешь. А если случается какое-то хорошее событие, то очень даже приятно видеть

искреннее сорадование от множества не только близких, но и малознакомых людей.

Как-то на приходском праздновании Рождества наша прихожанка, до недавнего времени достаточно замкнутая, общавшаяся в храме только со «своим кругом», со слезами на глазах рассказывала, как ее поразило отношение прихода во время ее беременности: увидев ее на улице, прихожане, которых она никогда раньше не замечала, останавливали ее с доброй улыбкой: «С праздником! Как вы себя чувствуете? Как мы за вас рады!» И по их лицам действительно было видно, что они — рады. Когда же ребенок родился, к коляске подходили все. Некоторые — сказать что-то теплое, другие, неожиданно, подарить какую-то вещицу для ребенка.

Это поразившее ее отношение — норма. По крайней мере, для нашего прихода. При чем все радуются настолько горячо и по-детски, что ты чувствуешь себя действительно любимым ребенком в семье. В огромной семье из двухсот с лишним человек, каждый из которых то и дело становится вот таким вот «любимым ребенком» для всей остальной общины.

Но эти же заинтересованность и соучастие могут больно ранить, когда у тебя случается настоящее горе. Тут я говорю уже не от собственного опыта — у меня пока ничего подобного не было. Но сколько тяжелых, скор-

бных испытаний выпало на долю других прихожан и прихожанок! Ушел муж. Жена заболела серьезным психическим заболеванием. Родился ребенок-инвалид. Родился ребенок-даун. Ребенок умер в родах. Ребенок умер еще в утробе. Сын-подросток заболел неизлечимым, страшным заболеванием. Взрослый сын погиб от мгновенной остановки сердца. И много, много всего другого... И все это — даже самое горькое, то, чего, может, ты сам поначалу стесняешься — на глазах у прихода. Что было в сердце, я не знаю, а внешне люди, которых настигла одна из этих скорбей, реагировали по-разному.

Бывало, что человек переставал ходить в наш храм. Не в церковь вообще — а именно на приход, где его знали до «катастрофы». Но как же радостно было видеть через несколько месяцев, что, приняв свою боль, свой новый крест, человек — возвращался.

И как же удивительно тактичен и любвеобилен оказывался приход! Никто не делал вид, что ничего не произошло. Но все вели себя естественно, как будто то, что случилось, случилось уже давно и перестало быть «новостью», стало привычным. И через несколько дней напряженность действительно уходила, человек чувствовал, что он снова — часть прихода, и его новая беда, новая боль тоже стала для прихода своей.

Продолжение на стр.6

Скорбный путь жен новомучеников и исповедников Российских

Продолжение.
Начало на стр.1

Матушка священномученика Илии Четверухина, московского священника, погибшего в лагере на Вишере в 1932 году, вспоминает слова из канона Святой Пятидесятницы: «Разлучения вам не будет, о друзи...» «Скоро 15 лет, как батюшка отошел ко Господу, — пишет Евгения Леонидовна, — но я не чувствую с ним разлуки, я точно продолжаю с ним жить одной жизнью. Я часто слышу внутри себя его ободряющий голос, когда переживаю какие-нибудь трудности: «Ничего, мамаша, ты у меня молодец». Так он мне, бывало, говаривал, и мне легче становится от этого. А если я делаю что-то не так, как надо, как хотел бы он, вижу во сне, что он где-то далеко от меня, и больно сжимается сердце».

Лишения и скорби учат переоценивать отношения к земным ценностям и душевным мирским привязанностям. До своего ареста протоиерей Илия Четверухин любил подолгу сидеть в библиотеке, в это время семья не должна была его тревожить. Впоследствии он признавался сыну: «Любовь к книгам мешала мне должным образом любить вас, мои дорогие». Матушке же он писал: «Прости меня, если я делил любовь свою между тобою и библиотекой. Теперь ты у меня — единственное сокровище». «Ах, как я тоскую по тебе! — говорит он в другом письме. — Не по свободе, не по дому, не по книгам, а только по тебе! Если бы ты была здесь, около меня, я был бы счастлив!»

Порой семьи священников терпели нужду в самом необходимом. Дочь священномученика Димитрия Кедровича из села Круги Егорьевского района носила платье, сшитое из подрясника отца. А в семье тверского священномученика Николая Морковкина было шестеро детей, когда власти, обложившие их семью непомерным налогом, решили изъять и зимнюю ватную ярусу батюшки, которую матушка хотела было перекрыть дочерям на пальто. Сердце родителей дрогнуло. «Вот эти-то вещи мы с женой и решили не отдавать ради защиты детей», — рассказывал впоследствии отец Николай. За это священника и его матушку отправили в ссылку, оставив детей одних.

Позже, из заключения, батюшка напишет в письме: «Теперь я стал богаче, но не тем преходящим, что гниет и тлеет, а тем, что остается до гробовой доски, то есть богатством жизни духовной». О супруге своей он говорил: «Я думал, что она не перенесет такой, кажется по нашему разумению — тяжелый, крест... Но каждому верующему в Бога крест дается по силам, и каждому человеку, имеющему веру хотя бы с зерно горчичное, все возможно».

Священномученик Илия Четверухин незадолго до смерти сказал своей жене во время свидания в

лагере: «Здесь я прохожу вторую духовную академию, без которой меня не пустили бы в Царство Небесное».

Удивительна стойкость и мужество, с каким принимали испытания многие семьи священников. Убожество внешней обстановки не угнетало и не озлобляло их. Дочь отца Сергея Сидорова Вера вспоминает, что мама, смеясь, называла их комнату «логово». Родители спали на полу, покрываясь всем, чем могли, так как одеяла и простыни были совсем ветхими; вся их одежда висела на гвоздях, а вещи четверых детей, спавших на лавке и кроватях, хранились в ящиках из-под посылок. Как-то в их комнату пробрался квартирный вор. Он очень сконфузился, увидев такую нищету. Заметив подошедшую матушку Татьяну, он только сказал: «Ничего, нужны бояться не надо, все устроится».

Страдания закаляли дух этих людей, поднимали их над мирской суетой, освобождая от земных попечений.

Как-то отца Сергея спросили, как он, имея такую большую семью, решился стать священником. Если его

В житиях святых новомучеников часто встречаются моменты, когда их матушки умоляют ради семьи поменять место служения или перейти на обычную работу, оставив службу. Но осуждать их за этот естественный страх за себя и за своих детей нельзя. «Бояться не стыдно, — говорит отец Сергей Сидоров, — все мы люди, и люди слабые, а вот малодушествовать нельзя. Бог-то ведь с нами, и нигде Он нас не оставит».

Бог не оставлял этих людей в самых трудных обстоятельствах. Вера помогла им выживать и творила чудеса. Воистину «уповающего на Господа милость обидет».

«Помню, это было месяце через шесть после ареста отца, — пишет Вера Сидорова. — Мы очень нуждались, денег не было ни копейки, кругом долги. Мама сидела на кровати и кормила грудью трехмесячного Сережу (пятого ребенка, который так и не увидел своего отца), а я занималась чем-то. Вдруг мама говорит мне: «Вера, поищи в сундуке под бельем: может быть, там случайно остался хоть один

«Сверток!» Разворачиваю. В нем 20-копеечные монеты! Начинаю дальше искать и вижу: один, второй, третий сверток лежат в уголках сундука, и в каждом не медные, а серебряные монеты! Мама не верила мне, когда я кричала ей об этом: ведь не один раз перерывался сундук за последние месяцы, все давным-давно было истрачено... «Благодари, Вера, святителя Николая», — сказала мне мама. Свертков семь нашла я тогда».

Не перестаешь удивляться, как, находясь в таком положении, эти святые люди не теряли веры, а еще более укреплялись в ней. После смерти матушки уфимского священника Петра Варламова Анны Ивановны (она осталась после ареста мужа одна с пятью детьми: старшей было 8 лет, а младшему — 7 месяцев) в ее бумагах была найдена написанная ее рукой молитва, которой она молилась ко Господу после ареста мужа: «Благодарю Тебя, Господи Боже, за все: за жизнь, за невзгоды, прожитые мною, за разлуку с любимым мужем (священником) моим, за муки и радость... за все Тебя благодарю».

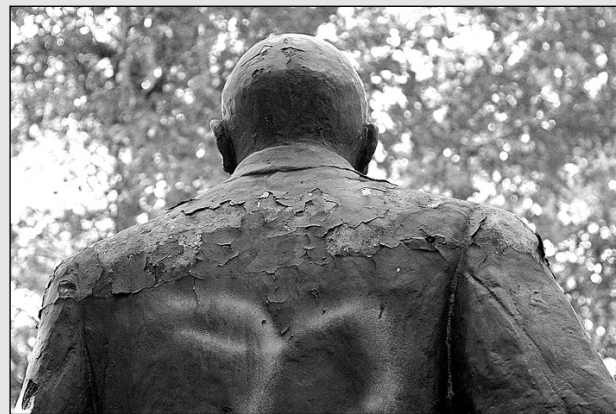
Жены святых мучеников и исповедников часто с покорностью воле Божией принимали испытания. Многие из них, прощаясь с мужьями, вполне осознано говорили: «Иди страдать за Христа» (Из жития священномученика Николая Поспелова). Матушки своей верой, стойкостью и терпением лишены и скорбей разделяли участь любимых мужей, становились бескровными мученицами. В самые трудные минуты, когда священники стояли перед выбором: сохранить себе жизнь с условием отречения от сана или погибнуть, обрекая семью на страдания, матушки нередко поддерживали их в исповедании веры. Так, супруга священномученика Валерия Новикова, получив от мужа из тюрьмы записку, в которой он волнуется о будущей судьбе своих детей, ответила: «Не отрекайся от Бога, ни от священнического сана. Мне поможет Господь».

Как понять нам, людям XXI века, святых новомучеников? Не странно ли это: благодарить Бога, когда погибает любимый человек и единственный кормилец; радоваться жизни и рождать детей, когда нищета и голод? Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что свой крест, то есть все скорби и страдания земной жизни, кажется тяжелым до тех пор, пока человек не научается нести его с терпением и смирением во Имя Христа. «Когда же свой крест преобразится в крест Христов, то получает необыкновенную легкость. «Иго Мое благо, и бремя Мое легко есть», — сказал Господь». Об этом же говорит и апостол Павел: «По мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше» (2 Кор. 1: 5).

Юлия Аксенова
//Православие. Ру

Анафема советской власти

В 1918 году 19 января по старому стилю святой патриарх Тихон направил всем верующим Послание о неслыханном гонении, обрушившемся на Русскую Церковь. Это было извещательное окружное Послание в начале тяжелых испытаний с призывом к верующим сплотиться вокруг Матери-Церкви и с самым резким осуждением гонителей. Это историческое Послание раз и навсегда дает церковную оценку гонения, равного по силе гонениям раннехристианского времени, на Русскую Церковь, а с нею и на весь народ

О гонителях, погромщиках храмов и убийцах, сказано: «Остановитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы ... это — поистине дело сатанинское, за которое подлежит вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной».

Властию, данною нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению принадлежите к Церкви православной.

Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: «изымите злаго от вас самих» (1 Кор. 5, 13)).

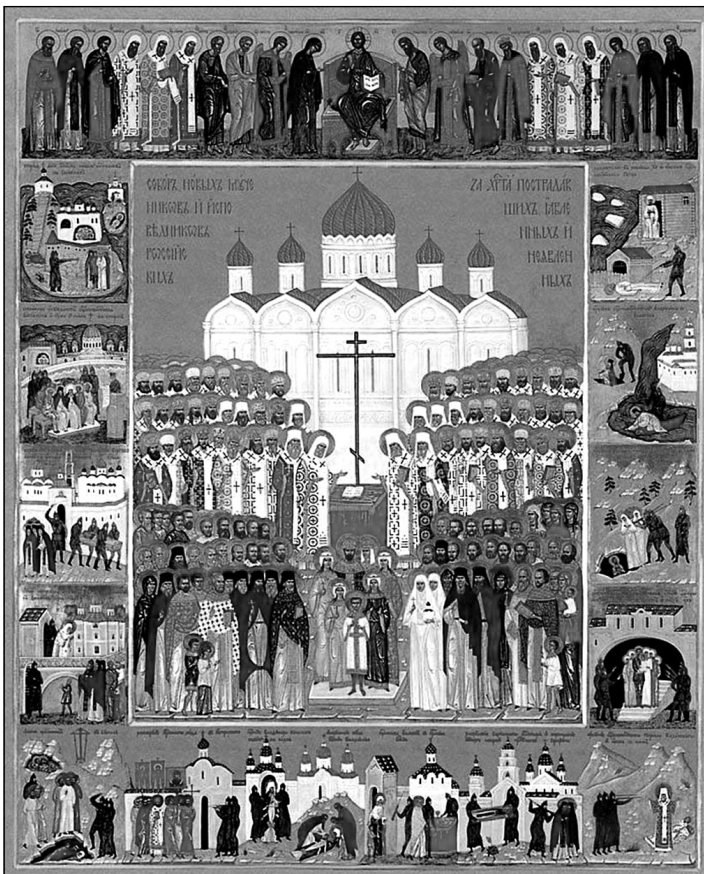
Далее перечисляются основные преступления гонителей: разгром и уничтожение храмов, в том числе расстрел храмов Кремля; кощунства, отвержение таинств, захват храмов и обителей, «которые объявляются каким-то народным достоянием»; уничтожение православных школ, «которые ... обращаются в училища безверия или даже в рассадники безнравственности»; захват имущества «под предлогом, что это — народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законною волею самого народа»; широчайший обман народа: «власть, обещавшая водворить на Руси право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и в частности над святою Церковью Православной».

Захватчики именуются в Послании также «безбожными властелинами тьмы века сего». В заключение Послание призывает всех верующих становиться в ряды «духовных борцов» и выражает твердое упование, «что враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою Креста Христова...».

Послание получило в православном народе название «Анафема советской власти». Эта новая власть, совершившая вооруженный переворот в октябре 1917 года (так называемая «Октябрьская революция») и только что силой разогнавшая Учредительное Собрание, состояла из большевиков (коммунистов) и отчасти из левых эсеров, с которыми большевики вскоре покончили. Таким образом, именно большевики (коммунисты) в первую очередь анафематствованы Патриархом Тихоном и, что особенно важно, эта анафема подтверждена заседавшим в то время Поместным Собором Русской Православной Церкви. Поэтому анафема, наложенная Патриархом на гонителей, становится соборным деянием, и никем и никогда не может быть отменена (кроме равного соборного решения, что, как очевидно, невозможно). Именно поэтому в Послании указывается, что эти гонители подлежат «страшному проклятию потомства».

Анафема патриарха Тихона наложена не только на тех, кто когда-то сам разрушил храм, а и на всех тех, кто стоит на принципиальной богоборческой, антирелигиозной позиции, на позиции возможного разрушения храмов и убийств людей за веру во Христа. На тех, чье учение и практика призывают к этим преступлениям, к насилию и геноциду по религиозному или по любому другому признаку. Она наложена на всех, кто принимает ленинскую идеологию, на коммунистов навечно, сменяемость поколений здесь не действует. Нельзя не признать, что те, кто сочувствует и содействует коммунистам, сами так же подпадают под действие этого проклятия.

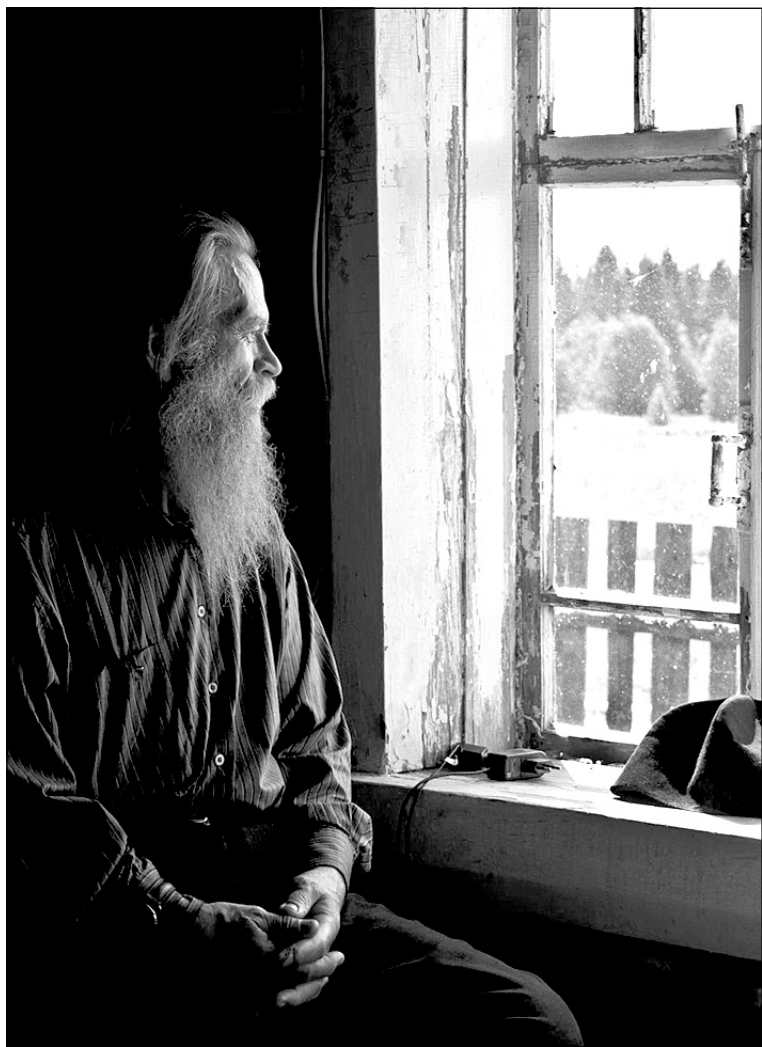
Из статьи протоиерея Александра Салтыкова
«Кого анафематствовал Патриарх Тихон, или верить ли обещаниям коммунистов?» // Правмир

Икона Новомучеников и исповедников Российских

«возьмут», то на кого он оставит своих детей? Отец Сергей ответил: «На Царицу Небесную. Если я погибну, то за Ее Сына. Так неужели вы допускаете мысль, что в таком случае Она оставит моих детей? Никогда! Спасет и защитит». Через два месяца отца Сергея арестовали, и он погиб. Но «вера отца в то, что Царица Небесная спасет и защитит его детей, оправдалась, — писала его старшая дочь Вера. — Сколько было в ту пору уничтоженных семей. Взяли мужа, потом жену, а детей — в детдом, где они забудут все, что связано с семьей, ее преданью, ее святыни. Нас не тронули, хотя многих жен священников отправили в лагерь».

сверток...» «Свертком» мы называли мелочь, закрученную в бумажку, которую отец получал за службу. В свертках были и медные монеты, и серебряные. Но я знала, что в нашем единственном сундуке, где лежало белье... давно уже ничего не осталось. Я сказала об этом маме, но она возразила мне: «Ты помолишься Николаю Угоднику. Он — покровитель семьи Сидоровых, а ты — ребенок, он лучше тебя услышит и, может быть, поможет нам. Поищи свертки». Я тихонечко помолилась, открыла сундук и стала рыться среди невероятных старых и рваных наших рубашек и простыней. И вдруг — до сих пор у меня сжимается сердце — кричу маме:

БЛУДНЫЙ СЫН

12 февраля – Неделя о блудном сыне

У отца Павла стряслась беда. Беда стыдная, горькая и такая, что в самое сердце: сын Васька, любимец и надежда, батюкина кровушка - светлая головушка сбежал в Москву. «Сбежал! Не поехал - сбежал! С девицею!» - Последнее слово отец Павел произносил, отделяя от звука звук с такой напряженной и скорбной силой, что губы его и посеревшая летами борода начинали мелким трепетом дрожать, а пальцы огромных, крестьянской конституции кулаков беспомощно и отчаянно сжимались, так, словно хотели выдавить из могучего тела нестерпимую наждачную боль

полам тетрадки в клетку все в подробностях и деталях, чтобы вечером, не упустив ни крошки передать матушке разговор. Часто он не дозванивался, вместо гудков священнику отвечал женский голос, что абонент недоступен или отключил телефон. «Занят Василий, работает!» - оправдывался отец Павел перед секретаршей. «В Москве!». Оля сочувственно кивала...

На петровках пришла другая беда. То ли от неслыханной жары и возраста, то ли от многих лет служения, от тысяч нахоженных по требам километров, совсем стало плохо с ногами. Голени покрылись гроздьями фиолетовых, разбухших узлов, кожа над ними лоснилась и казалась тонкой, что вот еще шаг и порвется. Ноги горели, обжигали изнутри и острой болью разрезали ступни. К Успенью отца Павла отвезли на операцию в райцентр: «Ходить с палочкой будете, а как служить и по дворам бегать, отец, не знаю, - объяснял грубоватый хирург, - варикоз - это профессиональная болезнь тех, кто всю жизнь на ногах» - выговаривал врач важно и как по писанному. «Группа риска: мы, хирурги, учителя да вот и вы, попы, теперь прибавились».

... Матушка Нина и эту новость приняла со своей обычной разумностью и смирением: «Как Господь управит, Паша, так и будем жить», - укладывала она ему от циклотки к колену виток за витком серые эластичные бинты. Служить с бинтами отец Павел еще мог, а вот «мотыляться» по требам из конца в конец их огромного села, не говоря уже про соседние деревни, получалось плохо.

Осень и зима прошли в суете, мелких неприятностях и заботах. Васька почти не проявлялся, а когда вдруг и дозванивался до него родитель, то ничем хорошим эти разговоры не кончались. Василий стал по чужому неприятно акать, в лексиконе его все чаще ершами проскальзывали непонятные и странные уху слова. «Вася. Ты в храм то ходишь?», «Хожу, батя, хожу. Как время бывает - хожу». Иерей понимал, что времени на храм у сына почти не случается...

Отец Павел как то сдал, стал грузнеть, полюбил оставаться в храме после службы, мог порою и ночь провести в безмолвной коленопреклоненной молитве, отпустив сторожа домой. «Вот до Поста доживем, там легче будет», - уговаривал он то ли себя, то ли матушку, смирением и молитвою убаюкивая скорбь.

... На Прощеное воскресенье народ в храм стягивался весело, гулко, отгуляв и отбужотерив крикливую масленицу, с размахом спалив «чучалку» и светлым простодушием мешая языческое с христианским... Люди, только что голосившие под гармошки и динамик клуба, плясавшие на талом снегу с матерной частушкой, еще не остывшие и румяные, стекались синим мартовским вечером в сельскую церковь - прощать. Никакой другой народ в мире не хранит, пожалуй, этого детского, природоутопленного дара в несколько минут так искренне и всерьез сменить настроение сердца Прощали и прощали с надрывом, наотмашь, за то что было и не было, целуясь, кланяясь в пояс и рвась шлепнуть ладошкой под ноги, а то падая земным поклоном на мокрый от нанесенного снега каменный пол...

Отец Павел любил этот вечер, предвкушая и трудную тишину Поста, и огненную, обещанную радость Пасхи... К чину прощения народ успокоился, ушел шепот, не слышно было ни детей, ни самых болтливых теток, хор был ладным и чистым. Вот выстроился клир, вот ручейком потянулся приход. «Бог простит! Бог простит!» светлая, исполненная радости и раскаяния волна катилась от алтаря к клиросу, от амвона к притвору. Последними подходили старухи, да староста, но вдруг что то сбилось в этой настроенной и ровной волне, неосознанное, тревожное, но доброе задрожало в густом ладанном воздухе церкви...

От притвора, чуть кособочась, решительно и быстро шагнул Васька. Такой же здоровый и плечистый как отец, с широким лицом и чуть асимметричными скулами, шел, размахивая кулаками - молотами, будто веслами толкая тяжелое тело. Отец

Павел почувствовал, как затрепыхались безвольно борода и губы, как занули варикозные ноги, как без всякого на то смысла стала накручивать рука на запястье шнурок поручи, услышал, как в тишину полетели слова: «Прости, папка меня, прости»... Как ответил кто - то его устами: «Бог простит! И ты меня.. прости...» и заплакал внутри счастьем и благодарностью: «За что Господи! За что радость такая»

... За церковной оградой стоял кофейного цвета импортный автомобиль, совсем не новый, но сказочно редкий и странный здесь, у сельского храма. В деревенской ночи, освещенный единственным на улице фонарем и блестящий от мокрого весеннего снега, успевшего нападать и подтаивать, стаяться блямбами по стеклу и дверям, он и вовсе выглядел космическим телом из далекой и ненастоящей столичной жизни.

- Вася... Твой что ли?, - сердце отца Павла будто сжали холодной ладошкой. - Так ты как - приехал или ... назад в Москву...

- Нет, батя. Твой! - блудный сын сиял, но старался сказать это буднично, как будто так, надо же, пустяки, а не Опель 96 - го года. Однако подбородок его дрожал совсем по - отцовски, - На требы будешь ездить. Чтобы без этого... варикоза, а то... мать пугать!

- Так я ж и... прав нету...
- А я на что? Возить буду!, - Васька широкой рукою обнял отца, и тот в миг превратился из величественного и могучего иерея в просто пожилого, немного уставшего, но тихо и глубоко счастливого человека. - Пойдем, батя. Новую жизнь начинать. Пост, понимаешь.

Наталья Лосева
//Татьянин день

«Ославил на все благочиние! Васька! Эх, Васька!» - тянул он низким голосом, словно звал, спал сердце за километры, из их села в райцентр, а оттуда через область, в далекую и чужую, из телевизора недобрым образом знакомую столицу. Впрочем, все это слышать доставалось одной матушке Нине, седой, разумной и неробкой женщине, поднявшей с мужем не первый приход, троих своих и двоих приемных детей, привыкшей ко всяким передрагам, злым словам, несправедливостям и бытовым катаклизмам, научившейся принимать непростою их жизнь во славу Божию, с радостью и светлым смирением.

На людях же иерей крепился, терпел и беду свою носил достойно и тихо, так что даже старухи на приходе скоро перестали чекать языки после воскресной службы, обсуждая, кто и какой «знак» особой интимной скорби разглядел на лице батюшки.

Особенно остро бередило, сжимало сердце то обстоятельство, что Васька уехал внезапно и в неурочное время - на Крестопоклонную. Не дождался Страстной и Пасхи, к которой специально красили церковную ограду и притвор, и впервые за восемь последних лет на деньги, выделенные районным олигархом - не без давления власти, правда, - обновляли иконостас.

Васька пропал не с концами, обустроившись, проявился и оставил номер сотового. Правда, сам звонил редко, обычно к дням рождения или именинам сестер. Отец Павел тосковал, скучал, корил себя за уныние и несмирение. Когда становилось невозможно, обычно после нескольких труд-

ных бессонных ночей, иерей собирался и с выдуманным предлогом отправлялся к главе администрации. Они не дружили, но общались по делу. Отец Павел волок на себе десяток социальных «показателей», вытягивая, как мог заброшенных спившимися трактористами и просто бездельниками детей, окормляя одиноких старух и битых жен, подкармливая их из собственного огорода, вразумляя, как называл их глава, «сорвавшихся с катушек» девиц. В ответ «главный» находил «спонсоров», которые хоть и давали по городским меркам крохи, но и это позволяло обихаживать мало помалу храм и выживать, когда совсем скудела мелкая церковная кружка.

Но на самом деле отец Павел не за деньгами и помощью ходил теперь в администрацию, а потому, что из приемной, с милости секретарши Оли, мог он звонить бесплатно в Москву. Отец Павел стеснялся и не хотел показывать, как важна ему эта возможность, и зачем он спешит на самом деле и почему так рад, если Глава занят, а Оля сама предлагает ему посидеть в приемной с чаем и сухариками.

«Оля.. я сыну - то позвоню, можно?», - он старался, чтобы голос звучал иерейски ровно, размеренно, и изо всех сил не позволял засуетиться и выдать себя. Васька разговаривал быстро и скомкано. Рассказывал, что работает менеджером в магазине «Техносила», продает телевизоры, что снимает комнату и подрабатывает на какой то «Горбушке». Отец Павел вслушивался в голос, стараясь угадать настроение и мысли, записывал в блокнотик, сделанный из разрезанной по-

Жажда истины:

Батюшка. Как Вы относитесь к причинно-следственным связям, кармическим связям? Людмила.

Протоиерей Артемий Эмке: По первой части вопроса я согласен с поговоркой "Что посеешь, то и пожнешь". Безусловно, у каждого явления, события есть причина. Например,

причиной того, что существует мир и мы с Вами является Господь Бог. Он - Первопричина всего существующего.

Теперь по второй части - о карме. Теория кармических свя-

зей входит в противоречие с библейским Откровением, причина ее появления и популярности - нежелание, или неспособность принять богооткровенную истину о благом и всемогущем Боге.

Самым емким опровержением "закона кармы" являются слова известного церковного песнопения: "идеже бо хочет Бог, побеждается естества чин". Все в руках Божиих, Он выше любого

закона, Он - Творец законов и главный его закон - любовь. Закон кармы обесценивает покаяние, а с точки зрения евангельской, через покаяние нам открывается Царство Божие.

О чем жалеют старики на пороге вечности

Несколько лет вместе с другими православными волонтерами я помогала одиноким старикам. Сегодня мне даже трудно сказать, кто получил от этого больше пользы – я или те бабушки и дедушки, чьи последние дни на этой земле я пыталась по мере сил сделать спокойнее и легче. Могу с уверенностью сказать, что моя иерархия жизненных ценностей после общения с умирающими стариками коренным образом изменилась. Многие из того, что казалось в жизни главным, отошло на второй и третий план. Поэтому что практически все бабушки и дедушки, с которыми мне доводилось общаться, в один голос жалуются на то, что:

1. Они родили слишком мало детей.

Сегодня нам страшно сознать, что основным способом «планирования семьи» в советское время были аборты, и есть немало сегодняшних бабушек, которые шли на это называемое разными эвфемизмами детоубийство десять, двадцать и более раз.

«Доченька, где это плачет ребенок? Я все время слышу плач младенца», – постоянно жаловалась мне одна лежачая бабушка. Она не верила мне, когда я отвечала, что никакого ребенка поблизости нет. Слышать детский крик было для старой женщины настолько невыносимо, что однажды, оставшись в одиночестве, она дотянулась до оставленных кем-то на тумбочке ножниц и перерезала себе на обеих руках вены. Утром бабушку нашли в изрядно пропитавшейся кровью постели и успели спасти. К счастью, ножницы оказались тупыми, но какая нужна была воля к смерти, чтобы этим варварским инструментом растерзать себе запястья! «Доченька, я делала аборты. Много абортов, восемь. Я не хочу жить. Мне нет прощения», – плакала бабушка.

После попытки самоубийства она пожелала исповедоваться. Пришел молодой иеромонах, выслушал бабушку без единой эмоции, прочитал разительную молитву... Наверное, ей как раз такой священник и был нужен – без лишних слов, «аз же точию свидетель есмь». Затем бабушку соборовали, и впервые за много лет она заснула спокойно, в запахах ладана и нерафинированного подсолнечного масла. После исповеди и соборования голоса младенцев она больше не слышала.

Подобных историй о раскаянии в грехах детоубийства перед смертью я могу рассказать множество, но о нерожденных детях жалеют не только те, кто делал аборты. Жалеют и те, кто не зачинал детей, предохраняясь каким-то иным, неабортивным способом.

«Знаете, Анечка, я сейчас так жалею, что мы тогда не родили дочке братика или сестричку. Жили мы в коммуналке, впятером в одной комнате с моими родителями. И я думала – ну куда еще одного ребенка, куда? И эта спит в углу на сундучке, потому что даже кроватку поставить негде. А потом мужу по служебной линии выделили квартиру. А потом – другую, побольше. Но возраст был уже не тот, чтобы рожать».

«Сейчас думаю: ну вот почему я не родила даже пятерых? Ведь все было: муж хороший, надежный, добытчик, «каменная стена». Работа была, детский сад, школа, кружки... Всех бы вырастили, подняли на ноги, в жизни устроили. А мы просто жили как все: у всех ребенок один, и у нас пусть будет один».

«Видела, как мой муж нянчился со щенком, и подумала – а ведь это в нем нерастратенные отцовские чувства. Его любви на десятерых бы хватило, а я ему родила только одного...»

2. Они слишком много работали.

Второй пункт часто связан с первым – многие бабушки вспоминают, что в молодости делали аборты из опасения потерять работу, квалификацию, стаж. В старости, оглядывая прожитую жизнь, они просто ума не могут приложить, зачем за эту работу держались – часто некавалифицированную,

непрестижную, скучную, тяжелую, низкооплачиваемую.

«Работала я кладовщицей. Все время на нервах – вдруг недостачу обнаружат, на меня запишут, тогда – суд, тюрьма. А сейчас подумаю: и зачем работала? У мужа-то хороший оклад был. А просто все работали, и я тоже».

«Тридцать лет я проработала в химической лаборатории. Уже к пятидесяти годам никакого здоровья не осталось – потеряла зубы, желудок больной, гинекология. И зачем, спрашивается? Сегодня моя пенсия – три тысячи рублей, даже на лекарства не хватит».

3. Они слишком мало путешествовали. В числе лучших своих воспоминаний большинство пожилых людей называет путешествия, походы, поездки.

«Помню, как мы еще студентками поехали на Байкал. Какая же там неземная красота!»

«Мы на целый месяц отправились в круиз на теплоходе по Волге до Астрахани. Какое же это было счастье! Мы были на экскурсиях в разных исторических городах, загорали, купались. Посмотрите, я до сих пор храню фотографии!»

«Помню, как мы приехали к друзьям в Грузию. Каким же мясом нас угощали грузины! У них было совсем не такое мясо, как у нас, из магазина, замороженное. Это было парное мясо! А еще нас угощали домашним вином, хачапури, фруктами из своего сада».

«На выходные мы решили поехать в Ленинград. У нас тогда машина была еще двадцать первая «Волга». Семь часов за рулем. Утром сели завтракать в Петродворце на берегу Финского залива. А потом заработали фонтаны!»

4. Они покупали слишком много ненужных вещей.

«Видишь, дочка, ковер на стене висит? Тридцать лет назад за ним записывались в очередь. Когда ковры давали, муж был в командировке, я одна его на своем горбу тащила с Ленинского проспекта на «Три вокзала», а потом на электричке в Пушкино. И кому сегодня этот ковер нужен? Разве что божьим вместо подстилки».

«Видите, у нас в буфете стоит немецкий фарфоровый сервиз на двенадцать персон. А мы даже никогда в жизни из него не ели-не пили. О! Давайте возьмем оттуда по чашке с блюдцем и выпьем из них чаю, наконец. И для варенья розетки выберите самые красивые».

«Мы с ума сошли по этим вещам: покупали, доставали, старались... А ведь они даже не делают жизнь комфортнее, наоборот, – они мешают. Ну зачем мы купили эту полированную «стенку»? Все детство детям испортили – «не трожь», «не поцарапай». А лучше бы стоял тут самый простой шкаф, из досок сколоченный, зато детям можно было бы играть, рисовать, лазать!»

5. Они слишком мало общались с друзьями, детьми, родителями.

«Как бы я хотела сейчас увидеть свою мамочку, поцеловать ее, поговорить с ней! А мамы уже двадцать лет нет с нами. Я знаю, что когда не будет меня, моя дочка будет точно также тосковать, ей будет точно так же меня не хватать. Но как ей это объяснить сейчас? Она так редко приезжает!»

«Мой лучший друг с юности – Василий Петрович Морозов – живет в двух станциях метро от нас. Но вот уже несколько лет мы говорим только по телефону. Для двух стариков-инвалидов даже две станции метро – непреодолимое расстояние. А какие у нас раньше были праздники! Жены пекли пироги, за столом собиралось по тридцать человек. Песни всегда пели наши любимые. Чаше надо было встречаться, не только по праздникам!»

«Родила я Сашеньку и в два месяца отдала в ясли. Потом – детский сад, школа с продленкой... Летом – пионерский лагерь. Однажды вечером прихожу домой и понимаю – там живет чужой, совершенно мне не знакомый пятнадцатилетний человек».

6. Они слишком мало учились.

«Ну почему я не стала поступать в институт, ограничилась только техникумом? Ведь могла бы запросто получить высшее образование. А все говорили: куда тебе, уже двадцать пять лет, давай, работай, завязывая со школярством».

«И что мне помешало выучить немецкий язык хорошо? Ведь сколько лет прожила в Германии с мужем-военным, а помню только «auf Wiedersehen».

«Как мало я читала книг! Все дела да дела. Видите, какая у нас огромная библиотека, а большинство этих книг я даже никогда не открывала. Не знаю, что там, под обложками».

7. Они не интересовались духовными вопроса-

ми и не искали веру.

«Как жаль, что в атеистическое время нас ничему не учили, мы ничего не знали», – это любимый ответ современных пожилых людей на самые разные вопросы духовной жизни. Те, кто обрел веру на склоне лет, часто жалеют, что не смогли или не захотели прийти в Церковь раньше.

«Я даже ни одной молитвы не знала. Сейчас молюсь по мере сил. Хотя бы самыми простыми словами: «Господи, помилуй!» Молитва – это такая радость».

«В советское время в газетах писали об НЛО, «снежном человеке», Бермудском треугольнике, филиппинских целителях, а вот о православной вере – никогда. Только изредка, и то – плохое: о священниках, о монастырях. Сколько же мы из-за этого набили шишек, верили в гороскопы, в экстрасенсов».

Мы считаем себя православными, воцерковленными, прошедшими неопытные искушения и устоявшими во взглядах. Но, беседуя со стариками, понимаешь, что вера – это такая область, в которой чем больше пребываешь, тем больше у тебя появляется вопросов и тем больше требуется сил, чтобы находить на них ответы. Так будем лучше тратить силы на поиски этих ответов, чем на бесполезные вещи, отвлекающие нас от Главного. А еще я купила билеты на поезд. В Саранск. Быть может, в столице Мордовии и нет ничего особенного. Но когда еще я там бываю?»

Анна Аникина
//Матроны.ру

19 февраля - неделя о Страшном Суде

После братьев Люмьер человеческая жизнь кажется невозможной без картинок, бегавших когда то по белой простыне, а теперь мелькающих на экранах и мониторах. Воздух больших городов загазован до предела, и точно так же до предела визуализировано сознание современного человека. Он мыслит картинками и живет так, будто играет в кино. Пусть кино нам поможет понять кое-что. Сравним нашу жизнь с огромным количеством отснятой пленки. Это еще не готовое кино, но рабочий материал. Потом придет смерть и, как говорил Пазолини, смонтирует все, что отснято, в готовую ленту

Только в конце, когда на экране появится слово the end, можно будет правильно оценить фильм целиком и каждый эпизод в отдельности. То есть только после смерти, после окончания работы безмолвного инженера монтажа.

Первый показ фильма о твоей жизни будет закрытым. На нем будут присутствовать только Бог

и ты. Ты будешь отворачиваться от экрана, краснеть, морщиться, стыдиться. Никакой ад не покажется тебе страшнее этого первого показа. «Смотри сюда, сынок, – может быть, скажет Он, – ведь ты и это сделал. И еще это, и это. И в этом ты виноват. А теперь смотри сюда, сейчас будет самое важное».

«Не надо! Я не могу! Перестаньте, пожалуйста! Я прошу вас, не надо!» – ты будешь метаться из стороны в сторону, и весь вспотеешь от страха, и захочешь проснуться, но это будет не сон.

Если это хоть немножко похоже на правду, то Страшный Суд будет похож на один кошмарный кинофестиваль. Ни при-

зов, ни фуршетов. Вместо этого – для многих и очень многих проход по алой дорожке в одну сторону. Проход с опущенными лицами, поскольку тайное стало явным, его увидели все, и нет в этом тайном ничего, чем можно было бы похвалиться.

Протоиерей Андрей Ткачев
//Отрок.ру

С понедельника — новая жизнь

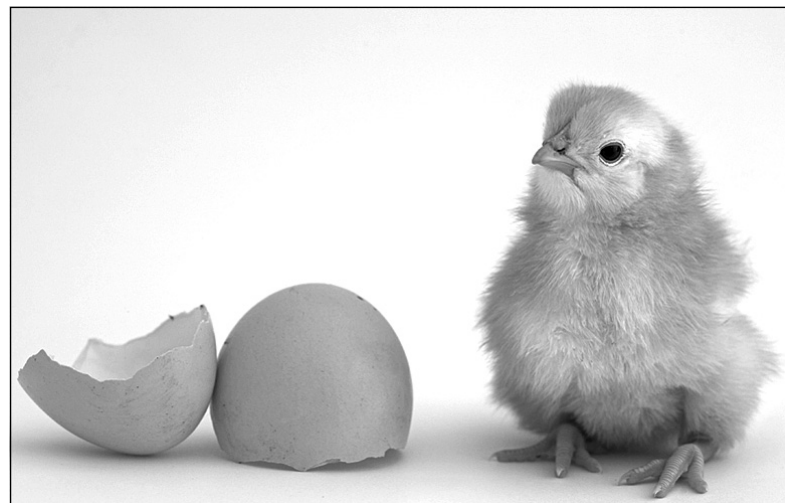
В понедельник, 27 февраля, Православная Церковь вступает в поприще Великого поста. День за днем, неделя за неделей мы будем идти к самому большому и долгожданному празднику — Пасхе. И, чтобы этот праздник был для нас радостным и спасительным, будем день за днем, неделя за неделей готовить свою душу к нему

Для неверующего человека это непонятно, но для верующего вера, общение с Господом — самое главное сокровище. Вера — это Дар Божий, и счастлив тот, кто сохранил и приумножил ее. Но, как и любой дар, любое сокровище, веру можно потерять, причем, по собственному легкомыслию.

Люди, имеющие сокровища материальные тщательно следят за их сохранностью: хранят в безопасном месте, принимают меры к тому, чтобы их не похитили, чтобы они не испортились. Церковь, как любящая мать, прекрасно знает о том, что сокровище веры нужно беречь, и предлагает для этого установления, правила и обычаи. Одним из самых действенных является пост. И главные враги веры тоже давно и

хорошо известны — «духи злобы поднебесной» (Еф. 6:12) или бесы во главе со своим князем. О том, как с ними бороться, Христос рассказал своим ученикам, когда они спросили, почему сами не могут изгнать беса. Господь ответил, что «этот род (бесовский) изгоняется только молитвой и постом» (Мф. 17, 21). Бесам легче воздействовать через нашу плоть, возбуждая страсти, подталкивая к греху, так они получают контроль над волей человека. Чтобы освободиться, надо воздержанием ослаблять плоть и укреплять дух. Поэтому пост нужен, прежде всего, самому постящемуся. Святой преподобный Василий Великий предостерегал от понимания поста, только как диеты: «не ограничивай одним воздержанием в еде, потому

что истинный пост есть удержание от злых дел. Разрешай всяк союз неправды. Прости ближнему оскорбление, прости ему долги. Ты не ешь мяса, но обижаешь брата... Будем поститься постом угодным Богу. Истинный пост есть удаление зла, воздержание языка, подавление в себе гнева, отлучение похотей, злословия, лжи и клятв-преступления. Воздержание от сего есть истинный пост». Хотя и значение воздержания в пище никто не отменял, именно поэтому пост ассоциируется с воздержанием от «скоромных» (животного происхождения) продуктов. Мало того, если не соблюдать поста, нарушать его или самовольно ослаблять — неизбежно последуют другие шаги к гибели. Все преступления начинаются с малого и

уже потом доходят до больших и ужасных (... В малом ты был верен, над многим тебя поставлю. Мф. 25:21). Маленькая щель в морозный ветреный день за несколько часов остудит теплый дом. Нарушил пост? После этого легче и проще нарушить и евангельские заповеди и так далее...

Преподобный Иоанн Колов (+ 450 г) так объяснял смысл поста: «Когда царь собирается взять неприятельский

город, он, прежде всего, пресекает подвоз в него съестных припасов. Тогда граждане, будучи утеснены голодом, покоряются царю. То же бывает и с плотскими вождениями: если человек будет проводить жизнь в посте и голоде, то беспорядочные (греховные) желания изнемогут».

Тамара Ступина
// Наша Камчатка

Надо вернуться в свой Отчий дом. Это наша общая задача и задача для каждого из нас. И принять Свет Божий надо не только умом, в теории, а

всем сердцем, всей своей жизнью. Это возможно, должно, необходимо сделать.

Первый шаг к Свету, к Богу — покаяние. К покаянию

Иди и кайся!

Надо сказать правду: обстоятельства жизни — ужасные. Кругом горе, несчастья, болезни, уныние, злоба, тоска. И это не случайное явление — внимательный глаз заметит опустошенность человеческой души повсюду. Примириться с этим нельзя. Мы не можем признать обычным явлением эти несчастья, беды, уныние, злобу, тоску. Но где же выход? Дело ведь не только в экономических и политических событиях и кризисах нашего времени. А дело в том, что мы перестали слышать Истину, забыли Того, кто сказал: Я свет миру (Ин. 8, 12). Без этого Света, без Бога, человек жить не может

зовет всех нас время Великого поста. Он должно быть отговоркой и отсрочкой.

Пришло время Великого поста — иди и кайся! Давно не постился — иди и кайся. Много и гадко грешил — иди и кайся. Плохо подготовился к исповеди — иди и кайся.

Как идти и каяться? Просто: загляни в свою душу и скажи, чем заполнена; если не замечаешь — почитай Евангелие, вспомни заповеди, а главное,

подумай, и обязательно замистишь свою темноту. Вот ее и скажи пред Крестом и Евангелием. Но этого недостаточно. После исповеди надо поработать, надо постараться принести и плоды покаяния, т.е. стать лучше, чище, глубже.

И сколько уже есть людей, которые знают это, поняли и стараются стать лучше, чище, уже живут с Господом, уже отображают Его Свет, уже вышли из ада современных обстоятельств

жизни. Почему же мы этого не делаем? Почему мы остаемся во мраке современной жизни без Бога и не слышим Его зова? Надо сделать первый шаг, затем будет уже легче. Но нельзя оставаться во тьме, нас окружающей. Господь зовет: Я свет миру (Ин. 8, 12). Услышим же это, почувствуем, пойдем.

Епископ Мефодий
// Эвенкия Православная

НАШ ПРИХОД

Продолжение.
Начало на стр. 2

И вот уже одна из женщин, торгующих свечами, перед Причастием подошла к маме, у которой из двух родившихся малышей один — с ДЦП, и деловито предлагала: «Помочь тебе причастить?» А другой прихожанин становился крестным мальчика-дауна и на попытки церковных бабушек развести сочувственные охи-ахи и утешительные шутилки-сурово отрезал: «Вы мне тут будущего мужика не сбивайте с толку своими нежностями!»

Другие — не уходили, а, наоборот, «бросались» к приходу, забыв о том, что на светском языке, наверно, может называться «гордостью» и «чувством собственного достоинства». Забыв о том, что своей слабости, своей немощи, своей боли в светском обществе принято стыдиться. Не стеснясь, говорили о своем горе даже тем прихожанам и прихожанкам, с которыми прежде не общались, а только здоровались. Плакали. Просили: «По-

молитесь».

Потому что молитвенная помощь прихода — это та сторона общинной «публичности», о которой почему-то часто забывают. А ведь это удивительная, ни с чем не сравнимая вещь — когда в течение короткого времени весть о твоём испытании или несчастье непостижимым образом разносится по всему приходу, и десятки людей начинают за тебя молиться...

Во время родов, во время тяжелой болезни, во время операции, во время неожиданной скорби за человека действительно молится весь наш приход. Каждый по мере сил, конечно — кто-то просто перекрестится, а кто-то и акафист прочтает. Никто никого не принуждает — просто на приходе действительно нет «чужой» боли или радости.

Кому-то такое отношение трудно и обременительно. Моя родственница, глубокайший интроверт, воцерковившись, не пошла в наш храм, который в пятнадцать минут от ее дома. Она ездит на службы в центр, тра-

тя на дорогу около часа. «Зато меня там никто не знает, и никому там ни до кого дела нет».

Но мне, например, радостно. Не потому что так ко мне относятся — хотя, на самом деле, это удивительное чувство нужности и любви, которое действительно помогает, когда трудно. А потому что так относятся — ко всем, к каждому. И ты вдруг тоже, неожиданно, начинаешь так относиться, учишься вбирать в себя чужое горе в себя, учишься заботиться о другом. Семья, как известно, — это школа любви. Но и приход — тоже.

Возможно, нарисованная картинка получилась слишком «розовой». На самом деле, на приходе нет застывшей идиллии, как нет и ненужного сентиментальничанья. Там идет «живая жизнь», там рабочая обстановка — и у человека просто нет возможности застыть в своем горе или в своей радости: его непрестанно тербят, и события его жизни становятся в один ряд с событиями жизни других прихожан.

Еще вчера все от избытка сердца пели «Многая лета», узнав, что родился ребенок, которого носили «всем приходом» (в буквальном смысле слова: семь месяцев из девяти мама лежала на сохранении, не в больнице, а дома, и под ее руководством КАЖДЫЙ ДЕНЬ прихожанки выводили ее двоих детей гулять, кормили их, мыли и укладывали спать. Каждый день. В течение семи месяцев.), а сегодня уже какая-то другая тревожная или радостная новость переключила внимание прихода на того, кто сейчас больше всего нуждается в сострадании или сорадовании.

А еще приход — это постоянный пример для подражания, постоянный повод для покаяния. Потому что в повседневном приходском общении ты постоянно открываешь в обычных людях какие-то качества, которым они даже не придают значения, но которые для тебя — пока еще недостижимая планка, заставляющая о многом задуматься.

И что важно — перед то-

бой не рисуются, тебя не враждуют, просто в ситуации общего дела люди раскрываются такими, какие они есть. И оказывается, что часто они — такие тихие подвижники, люди, почувствовавшие «вкус подвига» и переставшие о нем, об этом подвиге думать...

Как-то наша прихожанка после тяжелых родов попала в реанимацию. Ей требовалась кровь для переливания. По благословению батюшки мы повесили объявление на дверях нашего храма. Причем у меня даже мысли не возникло, что это объявление может иметь ко мне какое-то отношение. Ну куда мне, кормящей маме девятимесячного ребенка, какой с меня спрос!

После службы к нам по очереди подошли трое, кто готов был ехать сдавать кровь. Это были: одна многодетная беременная мама, один многодетный папа и работающая мама ребенка трех лет...

Евдокия Варакина
«Кто это? Об общине, инквизиции и горе»
// Православие и мир

Замуж я вышла в 20 лет. Через неделю после свадьбы нам с мужем дали комнату в общежитии площадью 7,5 метров. Мы были счастливы - наконец-то у нас есть свой дом! «Но с детьми пока подождем, - сказал супруг. - Сама видишь, даже кровать некуда поставить». Я легко согласилась. (Надо сказать, что в то время я хоть и верила в Бога, но вера эта была вполне языческая, и никакими условностями-заповедями меня не связывала.) Прошел месяц, другой. Мы старательно соблюдали все предосторожности. Но вот однажды мне что-то показалось. И я, напуганная, сообщила мужу, что, похоже... Ту его счастливую улыбку я вижу до сих пор. Правда, она тут же сменилась озабоченной гримасой. Через день выяснилось, что тревога была ложной. Однако, нам кое-что уже стало ясно друг про друга. И, спустя месяца полтора, мы уже таинственно улыбались на заклинивании друзей и родных «не заводить детей, пожить для себя».

Дело было в конце осени. Грипп гулял по городку, пришел и к нам. И с десятидневным животом я улеглась в больницу - острый риносинусит, осложнение после злополучного гриппа. Ту пятницу я тоже помню вот уже одиннадцать лет.

- Беременная? - нахмурилась молоденькая врач. - Ну, это ничего. В понедельник пойдешь в соседнее здание, знаешь, где гинекология? Там сделаешь аборт быстренько, и - к нам. И тогда уже спокойно будешь лечиться, а то тебе непонятно сейчас, что можно. А за ребенка не волнуйся - гриппом болела, все равно урод будет. В следующий раз поаккуратнее будь. Операции тоже не бойся - по направлению нашему, под общим наркозом сделают.

Вечером пришел муж. Я вышла к нему со страшной головной болью, подбитым глазом (ко всему прочему, во время откочки, видимо, у меня затронули какой-то нерв в носу или сосуд, не знаю) и зареванная, передала слова врача. О, как мне хотелось, чтобы он сказал твердо: «нет!». Но он, как и я, как и та врач, был всего лишь сыном своего времени. И в Бога верил не больше моего. Поэтому он только поник головой и сказал, что - раз надо, то... Но, может, все-таки как-нибудь?..

Я тоже надеялась на это «все-таки как-нибудь». Надеюсь до утра понедельника. Спать эти три ночи я не могла: дико болела голова (а лекарство мне сестры давать боялись), но сильнее головы болело сердце. Палата разделилась на два лагеря. Одни жалели меня и ругали врачей. Другие уговаривали, что - ничего страшного, молодая, люди по десять аборт делают и нормально живут. А я плакала. И боялась. Стыдно вспомнить, конечно. Но переживала я больше не из-за того ребенка, которому предстояло погибнуть. А - от страха, что больше у меня не будет детей. Ну, и вообще... Хотя слова врачихи о том, что непременно теперь родится урод, и прочие «веские» аргументы вкупе с моим робким и мнительным характером делали аборт делом уже фактически решенным. И слезы были лишь оплакиванием своей горькой судьбы. В слабенькой надежде на «все-таки как-нибудь».

В понедельник утром мне дали таблетку анальгина, и голова прошла. Потом меня вызвали к врачу. Вместо давешней девушки меня встретила пожилая зав. отделением. Лицо у нее было доброе, весь вид какой-то «опытный», а голос - самый, что ни на есть «докторский», успокаивающий и вселяющий все мыслимые и немыслимые надежды. Она посмотрела на мою опухшую от слез физиономию с огромным сиянием во всю щеку и покачала головой:

- Ну и мамашки пошли... Чего ж ты реवेशь-то? Мало ли кто

МОЙ СЫНОЧЕК

Субъективные заметки об аборте и эвтаназии

«Ты против аборт и эвтаназии? - сказала мне подруга, человек исключительно порядочный, добрый, и вообще, я ее очень люблю. - А по мне, так это одно из величайших достижений гуманности человечества. И одно из свидетельств роста духовности и милосердия». Я тогда предложила оставить эту тему, поскольку чувствовала неготовность обеих в тот момент спокойно, без эмоций, обид и колкостей обсудить столь тонкий вопрос. Но «заноза» осталась. Вопросы эти, что называется, больные. Противнику упомянутых вещей, как правило, предлагается такой вот аргумент: «Тебе легко говорить, когда у тебя... А ты встань на мое (или чье-то) место!» Ну что ж. На чье-то встать мне не получится - так как это будет опять теория. Вспомню, что было со мной. Ибо так случилось, что за сравнительно короткий промежуток времени меня коснулись обе эти проблемы

что сказал? Не бойся - и нос вылечим, и ребенка родим. А к врачу все же иди - надо от него справку для нас.

Еще не веря своим ушам, я поплелась за медсестрой в соседний корпус. Гинекологом оказался здоровенный дядька. Глаза его под сильными очками имели какое-то странное выражение. Написав в «истории» все, что положено, он молча вручил ее мне. Можно было уходить. Но я все-таки решила спросить, специалист же:

- А скажите... Это действительно лучше было бы сделать сейчас аборт? Мне сказали, что грипп...

Он пожал плечами:
- Это уж как сами решите.
- Но...

И тут он взглянул на меня своими странными глазами, и от этого взгляда и последующих слов мне стало как-то жутко и холодно:
- А зачем он тебе нужен-то? Этот ребенок? Ведь тебе всего двадцать. Студентка. В общаге живешь, небось?

Я не нашлась, что на это ответить, пробормотала нечто невнятное и поспешила ретироваться. Из отделения я уходила, почти бежала. Нападавших навстречу женщин старалась не смотреть. «Абортники», - с презрением говорила моя мама. Неверующая, но ярая противница аборт. Я не чувствовала презрения. Но со своим животом казалась себе дочкой Рокфеллера, невесткой как оказавшейся в нищем квартале. Мне хотелось обими руками прикрыть его, как сказочное сокровище, которое в любую минуту могут захотеть отнять в этом страшном доме скорби. Сейчас мне немного смешно и стыдно даже за такие мысли - ведь не только с абортами там лежат... Но тогда мне казалось, что любая медсестра смотрит на меня с подозрением, как на беглянку, и вот-вот схватит за руку и потащит в один из тех жутких кабинетов, разберутся потом, да будет поздно.

Глядя на сына, я иногда вспоминаю те дни. И тело пробирает нехорошая дрожь. Ведь это

ЕГО жизнь висела на волоске! Его, моего родного сыночка, вот этого именно десятилетнего мальчика, вредного, невоспитанного, получающего тройки по математике и русскому языку, спорящего с бабушкой и выклянчивающего деньги на пельси-колу. Который не знает, кем ему стать - поваром, музыкантом или спецназовцем, боится служить в армии, сочиняет сказки, молится Богу и мечтает о коллекции фильмов «про Джеки Чена». Это о ЕГО ЖИЗНИ шла речь в те страшные дни! А вовсе не о бессмысленном бытии какого-то неведомого, бесчувственного и безличного эмбриона, бесформенного комочка живых клеток, неотличимого от зародыша рыбы или кролика. Но ведь если бы тот эмбрион, который все равно, что рыба или кролик, уничтожили тогда, то - кто бы сейчас пересказывал мне фильм, жаловался на несправедливость «англичанки», читал новый сочиненный стишок? Да, конечно, возможно, это был бы кто-то... С тем же именем, фамилией и отчеством, только помладше на год-другой. Только - с иным характером. Иной внешностью. Иной душой. Словом, это был бы всего лишь другой ребенок, младший братишка моего Сережи. А Сережи - такого, какой он есть сейчас, - не было бы. Никогда. Он умер бы. Не от болезни или несчастного случая, нет. Он был бы убит. Ради того только, чтобы его мама могла не просто вылечить - а без особых хлопот вылечить... насморк. И это был бы не рыба, не кролик. А мой сын, каждый чих которого сейчас заставляет эту самую маму вздрагивать и хвататься за градусник.

Слава Тебе, Господи, что сохранил тогда ему жизнь!

И еще - слава Тебе, Боже, за то, что десять лет назад в России не было закона об эвтаназии. Его и сейчас пока нет. Что радует. Почему? Рассказываю дальше.

Спустя год после рождения сына, замечательно красивого и здорового мальчика, я сидела в кабинете врача-ревматолога и с ужасом слушала о своей будущей жизни. Ничего утешительно впереди меня не ждало. Дикие боли

в суставах рук и ног оказались вовсе не преходящим недомоганием, следствием недостатка витаминов или переизбытка «шлаков». «Ревматоидный артрит» называлась эта штука. И лекарства от нее не было. Равно, как и упования, что когда-нибудь «пройдет». Врач не считал нужным щадить меня, вселяя надежды на маловероятное чудо. И честно рассказал, что меня ждет. Сказать, что мне было плохо тогда - значит, ничего не сказать.

Это было жуткое время. Годы, мучительные не столько даже то обострявшейся, то ненадолго отпускавшей болезнью, сколько - тяжелыми мыслями, отчаянием и страхом. Я совершенно серьезно и искренне упрашивала мужа, чтобы поскорее нашел себе другую женщину - пока сын слишком маленький, не заметит подмены.

А сама я тогда смогу спокойно исчезнуть из их жизни, и хоть буду страдать от болезни, так - хоть не буду ему обузой. Помню, как боялась выходить на балкон, подходить к окну, просила прятать подальше от меня уксус, спиртное, сильные лекарства. Что меня спасло от последнего шага? Любовь мужа, сознание некоторой все же ответственности за ребенка и, возможно, банальная трусость. Казалось, что даже если я спрыгну с девятого этажа, то все равно насмерть не разобьюсь, и последствия будут невообразимо хуже. Потом пришло понимание, что и

после такой смерти не будет покоя. Это уже внушили оккультисты, Лазарев, за что ему и спасибо - держало меня это все-таки сильно.

Потом я уверовала по-настоящему, приняла православие и обрела желанный покой. Перестала бояться будущего, мучить себя и других. Освободились силы души для жизни и - любви.

А если...

А если бы эвтаназия была принята? Если бы - была принята давно, лет 50-70 назад? Ведь больше, как оказывается, и не надо, чтобы люди привыкли к тому, что это - нормально и даже хорошо (аборт тому - пример и доказательство).

Стала бы я раздумывать хоть - не говорю год - день, неделю, месяц?! Стали бы десятки врачей искать средства хоть как-то облегчить, приостановить мою болезнь, развивавшуюся до обидного слишком быстро и неуклонно, почти без остановок? Стали бы родные, друзья, близкие, просто знакомые из всех сил помогать мне жить, как делают они это теперь, и благодаря чему мое существование вовсе нельзя назвать сколько-нибудь жалким?

Страшно и нехорошо так думать про людей? Но - перечитаем предыдущую историю. Да, там я плакала. Плакала - о себе, не о ребенке, в этом я признаюсь. Потому что тоже была дочерью своего времени и, несмотря на мамино неприятие аборт, имела «широкие взгляды». И я не виню ни тех врачей, ни мужа, ни соседок по палате, ни подругу, со слов которой начала этот рассказ. То, что казалось диким и невозможным сто лет назад ныне воспринимается как «одно из величайших достижений гуманности человечества». И как тогда, не желая ломать голову поисками средств лечения от риносинусита беременной женщины, врач запросто предлагала избавиться от столь досадной и незначительной помехи, как ребенок, как тогда муж только грустно качал головой, как другой врач недоуменно жал плечами, мол - зачем тебе эти хлопоты? - так и в случае столь неприятной болезни вместо стольких хлопот, возни и все ухудшающегося состояния не проще ли было бы выбрать самый легкий и удобный, привычный (в тех предполагаемых, вовсе не невероятных, увы, условиях) путь? Ведь - масса людей прекращает жизнь таким образом, и ничего, живут... Кто? Ну, их родственники, близкие. Другие люди. А дети - они уже не дети самоубийцы.

Продолжение на стр. 8

Расписание богослужений в храме Архангела Михаила

Наш храм открыт ежедневно с 8 до 20 часов

Понедельник 30 января	
Вечерня. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Вторник 31 января	
<i>Память преподобных Кирилла и Марии, родителей прп. Сергия</i>	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Среда 1 февраля	
Благодарственный молебен. Лития. Вечерние молитвы.	19:00
Четверг 2 февраля	
Молебен с акафистом. Лития. Вечерние молитвы.	19:00
Пятница 3 февраля	
Вечерня. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Суббота 4 февраля	
Панихида. Часы. Божественная литургия.	8:00
Всенощное бдение. Вечерние молитвы.	17:00
Воскресенье 5 февраля	
<i>Неделя о мытаре и фарисее.</i>	
<i>Собор Новомучеников и исповедников Российских</i>	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Вечерня. Утренняя. Вечерние молитвы.	17:00
Седмица сплошная	
Понедельник 6 февраля	
<i>Память св. блаженной Ксении Петербургской</i>	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Среда 8 февраля	
Молебен с акафистом. Лития. Вечерние молитвы.	19:00
Четверг 9 февраля	
Молебен с акафистом. Лития. Вечерние молитвы.	19:00
Пятница 10 февраля	
Вечерня. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Суббота 11 февраля	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Всенощное бдение. Вечерние молитвы.	17:00
Воскресенье 12 февраля	
<i>Неделя о блудном сыне. Собор трех святителей</i>	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Вторник 14 февраля	
Всенощное бдение. Вечерние молитвы.	18:00
Среда 15 февраля	
<i>Сретение Господне</i>	
Часы. Божественная литургия.	6:00
Молебен с акафистом. Лития. Вечерние молитвы.	19:00
Пятница 17 февраля	
Вечерня. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Суббота 18 февраля	
<i>Вселенская родительская мясопустная суббота</i>	
Панихида.	8:00
Часы. Божественная литургия.	8:40
Всенощное бдение. Вечерние молитвы.	17:00
Воскресенье 19 февраля	
<i>Неделя мясопустная, о Страшном Суде</i>	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Седмица сырная (масленица) - сплошная	
Понедельник 20 февраля	
Вечерня. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Вторник 21 февраля	
<i>Отдание праздника Сретения Господня</i>	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Пятница 24 февраля	
Малое повечерие. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Суббота 25 февраля	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Всенощное бдение. Вечерние молитвы.	17:00
Воскресенье 26 февраля	
<i>Неделя сыропустная. Воспоминание Адамова изгнания.</i>	
<i>Прощеное воскресенье</i>	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Вечерня с чином прощения.	17:00
1-я седмица Великого поста	
Понедельник 27 февраля	
Утренняя. Часы. Изобразительны. Вечерня. Лития.	8:00
Великое повечерие с каноном св. Андрея Критского.	19:00
Вторник 28 февраля	
Утренняя. Часы. Изобразительны. Вечерня. Лития.	6:30
Великое повечерие с каноном св. Андрея Критского.	19:00
Среда 29 февраля	
Утренняя. Часы. Изобразительны. Вечерня.	
Литургия Преждеосвященных Даров.	6:30
Великое повечерие с каноном св. Андрея Критского.	19:00
Четверг 1 марта	
Утренняя. Часы. Изобразительны. Вечерня. Лития.	6:30
Великое повечерие с каноном св. Андрея Критского.	19:00
Пятница 2 марта	
Утренняя. Часы. Изобразительны. Вечерня.	
Литургия Преждеосвященных Даров. Молебное пение св. Феодору Тирону, освящение колива.	6:30
Великое повечерие. Утренняя. Вечерние молитвы.	18:00
Суббота 3 марта	
Часы. Божественная литургия.	8:40
Всенощное бдение. Вечерние молитвы.	17:00
Воскресенье 4 марта	
<i>Неделя 1-я Великого поста.</i>	
<i>Торжество Православия</i>	
Часы. Божественная литургия.	
Молебное пение Недели Православия.	8:40

ВСЕМОГУЩЕСТВО

«Да плачуся дел моих горько»

На первой седмице Поста я смотрел сериал. За четыре вечера под пение монастырского хора мне показали мою глупую, непутевую жизнь. Я смотрел на прожитые дни и плакал...*

Кое-что о благочестии

Есть три простых правила благочестивой жизни:

- Каждый человек благочестив в меру своего духовного возраста.

- Не требуй собственного благочестия от других.

- Подлинное благочестие не требует «особых условий».

Пояснить?
1. В духовной жизни, как и в телесной, есть свои «младенцы» и «старцы». При этом духовный возраст не всегда соответствует телесному. Бывает, что старцами становятся люди довольно молодые. Таким был прп. Сергей Радонежский. Но это скорее исключение, чем правило.

Ведь духовность приобретает подвигами любящего христианского сердца. А на это нужно время... Но, бывает и наоборот. Дожив до глубоких седин, человек жил «по плоти». И помолиться не хочет. Вроде с виду старик, а ни духовности, ни мудрости в нем нет.

2. Люди — не зубцы расчески. Все разные. Кто-то младше тебя духовно, только начал свой путь ко Христу. Кто-то старше и опычнее тебя. А много есть таких, что просто подвизаются иначе, чем ты. Ведь кому-то надо быть затворником, а кому-то миссионером. Просто разный образ делания, а суть одна. Одними и теми же Телом и Кровью Христовыми причащаются, одним и тем же Духом Божиим исполняются.

3. Все чаще люди стараются оправдать свое нежелание молиться домашней суетой и шумом с улицы. А святые исповедники сохраняли чистоту души и молитвенную бодрость даже в лагерных бараках. Бла-

гочестивым можно быть всегда и везде.

Всемогущество

Каждый христианин — всемогущий! Нет ничего невозможного для него. Ведь не случайно сказал апостол Павел: Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе (Фил. 4, 13). Например, можно попросить у Бога способность летать. И, если бы Бог дал вам такую способность, вас бы немедленно упустили «в институт на опыты». Исследовали бы до конца ваших дней, как это вы летаете...

Бог мудр и милостив. Он подает лишь благопотребное — то, что будет полезно вашей бессмертной душе. Ведь тот же апостол сказал: Все мне позволительно, но не все полезно (1 Кор. 6, 12).

**Игумен Валериан
(Головченко)**

* смотрите «сериал» в своем храме каждый вечер 27, 28, 29 февраля, 1 марта с 19.00 «Великий покаянный канон преподобного Андрея Крицкого»

Продолжение.
Начало на стр.7

МОЙ СЫНОЧЕК

«Мама заболела и сделала эвтаназию» так будут говорить подростку сиротке. Это куда более достойно и красиво, чем «мама повесилась» или «спрыгнула с балкона».

Но такого пока, к счастью, нет. И у моего сына есть мама. Пусть она почти все время проводит теперь, сидя на кровати, но когда в книжке или в кино вдруг у маленького героя умирает мама, мой мальчик начинает беспокоиться и обязательно скажет: «слава Богу, у меня мама есть».

И у мужа моего есть жена. Которая уже не только кофе в постель не принесет, но и одеяло на нос без помощи не натянет. И тем не менее, он почему-то до сих пор так и не собрался обзавестись кем-нибудь другим. Да и у меня самой есть надежда после «кончины христианской, мирной» попасть куда-нибудь в более светлое местечко, нежели в то, которое ждет любителей свободных полетов с высоких этажей. По крайней мере, можно надеяться на отпевание и поминание у

Престола Божьего в храме.

Словом, постояла я и на пороге абортария и - кабинета, где производят ту самую эвтаназию. Господь удержал меня от того, чтобы перешагнуть обе эти черты. Я не перестаю благодарить Его за эту милость. Хотя, может быть, я не права, и гораздо гуманнее и милосерднее было бы позволить и то и то. Но это уж пусть читатель судит

**Светлана Дьяконова
//Фома**

Посетите сайт храма святого Архистратига Михаила – Мирный.приход.ру

Новости, информация о приходе и духовенстве храма, воскресная школа, сотрудничество с армией, ответы на вопросы. Удобная ссылка для перехода на сайт храма есть на неофициальном сайте Мирного.

Учредитель:

Местная православная религиозная организация - Православный приход в честь Архистратига Михаила г.Мирный, Плещеецкий район, Архангельская область, Архангельская и Холмогорская епархия Русской Православной Церкви

Адрес редакции: 164170, город Мирный, Архангельская область, ул.Пушкина, дом 2, Храм, тел. 5-28-77

Дорога к Храму

Мирный православный

ИЗДАНИЕ ХРАМА СВ. АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Главный редактор протоиерей Артемий Эмке

Газета зарегистрирована в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. Свидетельство о регистрации ПИИ № ТУ 29 – 00276 от 13.05.2011 года

Просим не использовать газету в хозяйственных целях

Номер отпечатан в ООО «Типография «Премьер». г. Вологда, ул.Козленская, 35-424
Номер подписан в печать 31 января 2012 года в 16:00. Тираж 2000 экз. Заказ №30. Цена свободная.

Газета издается при поддержке редакции газеты

«Мир информации и рекламы»

Макет, верстка и дизайн: Олег Григоренко